

Протоиерей Владимир Гофман

никеяю

Персиковый сад

Рассказы

Владимир Гофман
Персиковый сад (сборник)

«Никея»

2012

Гофман В.

Персиковый сад (сборник) / В. Гофман — «Никея», 2012

Можно ли говорить о насущных проблемах бытия человека, о выборе им истинного жизненного пути легко и просто? Можно, доказывает протоиерей Владимир Гофман своими замечательными рассказами. Одни, трогательные, берущие за сердце, с ностальгической грустью повествуют о недавнем еще прошлом, когда духовные и душевные ценности почитались превыше всего. Другие, иронично-веселые, рассказывают о незнакомых многим «бытовых» сторонах жизни нашего духовенства. Третьи, глубокие и пронзительные, говорят об ответственности человека за свою жизнь, ибо ей грядет продолжение... И все эти рассказы, прекрасно написанные, объединяет одно – удивительная, светлая человечность...

© Гофман В., 2012

© Никея, 2012

Содержание

Дорогой читатель!	5
1. Светлые ключи	6
Свет несказанный	6
Утренник	6
Животворящий Крест	6
Избушка	10
«Ванька-ключник»	11
«Наслещики»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Протоиерей Владимир Гофман

Персиковый сад

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства "Никея".

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную.

Как это сделать – узнайте на нашем сайте

www.nikeabooks.ru

Спасибо!

1. Светлые ключи

Свет несказанный

Утренник

Тугие струйки молока звонко ударяют в стенки подойника. Этими звуками всегда начинается утро. И, как обычно, не хочется вылезать из теплой постели, умываться на дворе ледяной водой из подвешного рукомойника, ойкая и подпрыгивая от холода. Но бабушка на этот раз неумолима – даже не напоив чаем, берет меня за руку и ведет, сердитого и хмурого, за собой в поселок.

Солнце еще не взошло, только вдалеке за полем над деревьями разливается бледный, анисовый какой-то отблеск. И кажется даже, будто воздух пахнет яблоками.

Свежо и морозно. Трава, сверкая легкой изморозью, поскрипывает под ногами. И вот уже мое плохое настроение вместе с остатками сна растворяется в хрустком веселом воздухе.

– Утренник, – говорит бабушка, неопределенно махнув рукой. А мне смешно, потому что я знаю: утренник – это праздник в детском саду, с красными флажками и песнями под гармошку слепого дяди Леши.

– Утренник, – повторяет бабушка. Мое маленькое сердце еще не умеет восхищаться и даже не знает, что это такое, оно, может быть, в первый раз сладко сжимается от непонятного, необъяснимого, удивительного ощущения Красоты.

Тот утренник остался во мне навсегда. Больше всего на свете я люблю эти часы, когда солнце еще не растопило серебряных нитей на траве и кустах, тонкой пороши на железных крышах домов, когда воздух пахнет свежей землей и яблоками – анисом, тем самым анисом, который я так любил собирать под старой яблоней в саду за домом.

И мне все кажется, что и сегодня в каком-то другом измерении, вне времени существуют и алые снегириныные перья зари на густой синеве неба, и неподвижные большие деревья, и старуха с мальчиком, идущие по полю... И тишина стоит там такая, какой не бывает на свете. Из всех звуков только хруст травы под ногами – ломкой, точно стеклянной, прихваченной ночным молодым морозцем...

Мы идем в церковь на утреннюю службу. Бабушка ведет меня к причастию...

Животворящий Крест

Осенью, когда по деревне полетели первые легкие паутинки, я заболел. Бабушка сказала, что перекупался в речке. Но это не так. Потому что перекупаться вообще нельзя, недокупаться – это я еще понимаю, а перекупаться – нет.

Подхватил я воспаление легких. Никому такого не пожелаю: что хорошего валяться две недели в кровати? Да еще с высокой температурой! А когда пытаешься встать, комната так и плывет – стол на потолок уходит, божница с иконами – под окно. И ноги слабые, не держат. Так что не успеешь и шагу сделать, как опять в кровати оказываешься.

Помню сквозь жар, как приходил фельдшер из поселка, слушал меня трубкой и качал головой. На голове у него волос мало, и легкие они, словно пух, – так и хочется подуть на них, как на одуванчик. Я и собираюсь подуть, но бабушка грозит мне пальцем. Имя у фельдшера чудное – Капитон, Капитон Евдокимович.

– Дело нешуточное, – говорит фельдшер бабушке. – Да, нешуточное... Гм... Надо бы в больницу его, – и кивает на меня. – В район.

Бабушка сокрушенно охает.

– Да как же, батюшка, в район-то? Как один там мальчонка-то будет?

– Не хочу в больницу! – кричу я и вдруг, сразу ослабев, засыпаю. Что было дальше, не помню.

В больницу меня бабушка не повезла, лечила сама как умела. Хуже всего ночью. Я брежу, и мне часто снится один и тот же неприятный сон. Будто смотрю я от реки на тропинку, которая сбегает с горы, а по той тропинке, вернее, наперерез, голый человек толкает перед собой огромный короб, в котором горит огонь. Короб медленно движется, а языки пламени так и рвутся из него, даже меня, хоть я и далеко, обжигают.

Я просыпаюсь весь в жару. Бабушка сидит на краю моей кровати, подперев кулаком голову. В комнате темно, только лампадка у образов чуть теплится.

– Что, мой мальчик? Чего тебе хочется? – спрашивает бабушка, заметив, что я проснулся.

– Калины, – шепчу я, облизывая сухие губы и снова закрывая глаза.

Да, калина меня, можно сказать, на ноги и поставила. Бабушка толкла ее в большой глиняной кружке, добавляла меду и давала мне. Я ем сладко-горькое месиво, и мне становится легче.

Когда я не сплю, бабушка тихонько поет песни, рассказывает стихи и разные истории, до которых я большой охотник. Одна из таких историй – о Животворящем Кресте – особенно врезается мне в память.

Произошло это давно, когда еще бабушка была маленькой. Ну, лет сто назад, наверное, не меньше. Недалеко от нашей деревни есть село. Я его знаю, проезжали на автобусе, когда летом ездили с бабушкой в район. В самом центре села и сейчас еще стоит колокольня, высокая такая, из белого кирпича. А раньше, рассказывала бабушка, и церковь стояла. Знаменитая была церковь, ее построили еще при князе Пожарском в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня. И хранился в этой церкви чудесный крест. Он и в церковь-то попал чудом. Будто бы однажды проходил недалеко от села через болото слепой человек да и стал тонуть в трясине. Совсем было уж утонул, как вдруг ноги его почувствовали опору. Так и спасся. Пришел он потом в село и рассказал обо всем. Мужики, конечно, собрались поглядеть на то место. Залезли в болото, известно ведь, охота пуще неволи, нащупали ту опору и достали из трясины... крест.

– Большой такой крест, выше человеческого росту, – рассказывает бабушка, а я слушаю затаив дыхание, даже про калину в кружке забываю. – Да, выше, сама видела. – Она крестится на образа. – Раньше на праздники тот крест по домам носили, по всем деревням, бывало...

– А зачем по домам-то? – спрашиваю я.

– Так чудодейный был крест-то. Болящим исцеление приносил, бедным – утешение. Занесут его в избу, батюшка кадит, и все поют: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...»

– Баб, а в болоте-то крест не сгнил, что ли?

– Нет. Так ведь не простой был тот Крест, животворящий, святой. Помню, сосед наш Матвей Иваныч – ноги у него не ходили – приложился ко Кресту – и, что бы ты думал, пошел ведь! Да... Бывало, приносят Крест в деревню, в иную избу запросто занесут, а в иную – хоть и большая изба, и ворота широкие – не идет Крест, и все тут!

– Почему?

– А потому, родное сердце, что и в малой избенке праведные люди жить могут. В такую, значит, и Крест входит без труда. А другая изба что твои хоромы, да живут в ней люди недобрые – так и не пойдет в нее Крест. Понял, что ли?

– Понял.

– Вот и ладно.

– Хорошо бы к нам этот Крест сейчас занести, я бы тогда скоро поправился!

– Конечно.

– А он в наш дом вошел бы?

Бабушка вздыхает:

– Это, мой мальчик, один Бог ведает.

– А ты как думаешь?

Она гладит меня по голове. Рука у нее прохладная, так приятно ощущать ее на горячем лбу!

– Вошел бы, думаю, вошел бы, – отвечает она.

Я закрываю глаза, и бабушка замолкает.

Так мы с ней часто беседуем. Иногда сквозь сон я вижу, как она встает, тяжело вздыхая, опускается на колени перед иконами и начинает шепотом молиться. Молится бабушка долго, я почти никогда не могу дождаться, когда она поднимется с колен, засыпаю.

И вот однажды ночью, когда я наблюдал за бабушкиной молитвой, меня как кипятком обдало: а ну как бабушка умрет?! Раньше я никогда об этом не задумывался, и теперь сердце мое пронзает неведомая прежде жалость. Я представляю бабушку, лежащую в гробу, со свечкой в руках, наподобие бабки Гани, нашей соседки, которая умерла в начале лета, и мы со Славкой ходили на нее смотреть.

Слезы текут у меня из глаз, и я, как ни креплюсь, всхлипываю.

Бабушка слышит это и подходит к кровати.

– Что? Что с тобой? – спрашивает она, наклоняясь надо мной.

Я не отвечаю, уткнувшись в подушку.

– Да скажи ты мне, наконец, родное сердце, что стряслось-то? – тормошит она меня за плечо.

Немного успокоившись, я поворачиваю к ней голову:

– Баб, а ты... умрешь?

– Я?.. Ну да, конечно, умру когда-нибудь.

– Не скоро?

– Уж как Бог даст. Что это ты вдруг?

– Да так... А почему люди умирают?

– Вот те на! Почему умирают... А как же иначе? Смерти никто не избежит, так Господу угодно.

– Зачем?

– Это не нам знать. – Бабушка молчит какое-то время. – Да и не надо знать-то... Живи на свете по заповедям Божьим да моли Его о мирной и непостыдной кончине – и весь наказ тут. А час придет, так и умрешь, как полагается.

– Значит, Бог жизнью распоряжается? – спрашиваю я.

– А то кто же? Конечно, Он, Господь наш, и жизнью, и смертью.

– И Он может сделать так, чтобы человек долго жил?

– Может. Он все может. Да будет тебе, спи, не задавай вопросов, они от лукавого.

Я замолкаю и начинаю обдумывать одну мысль, которая пришла мне в голову во время разговора. «О чем бабушка молится? Чего у Бога просит? Наверное, хочет, чтобы не торопился посылать ангела по ее душу. Точно. А то, если она умрет, я с кем останусь-то? Папа с мамой когда еще приедут! Значит, надо и мне попросить Его за бабушку. Детская молитва скорее дойдет – так бабушка говорит. Попрошу, чтобы бабушка жила долго-долго! Только вот сделать это надо так, чтобы никто не видел и не слышал. Кроме Бога, конечно». И я решаю помолиться, когда бабушка куда-нибудь уйдет.

Такой случай долго не представляется. Я уже стал помаленьку вставать с кровати, и комната больше не кружится у меня перед глазами. Дело явно идет на поправку. Я брожу по дому, гляжу в окно на молодой клен возле плетня, который, пока я болел, стал совсем красным, про-

сто огненным. Ветер срывает с клена листья, и они, кружась, падают вниз. Целая грудка напала, даже травы не стало видно.

И вот где-то в конце сентября бабушка собралась в церковь.

– Я быстро обернусь, – говорит она. – Ты уж один посиди, ладно? А то хочешь, я Славку приведу?

В другое время я бы обрадовался, но сейчас друг Славка не входит в мои планы.

– Нет, – отвечаю я. – Посижу один. А Славка пускай вечером придет.

– Ну, как знаешь. А мне надо к празднику. Большой нынче праздник-то – Воздвижение Креста Господня.

– Это про который ты рассказывала?

– Нет. Крест другой, конечно. На нем Спаситель был распят. А мать царя Константина, Елена, нашла Крест на Голгофе.

– А тот, из болота, где теперь?

– Бог весть. Сказывали, в музее его поставили. Не знаю. Кто сейчас разберет? Церковь давно разрушили, одна колокольня в небо перстом торчит... Спаси, Господи, люди Твоя...

– Ну ладно, иди, а то опоздаешь на праздник.

Я вижу в окно, как бабушка идет мимо дома и сворачивает за угол на дорогу, ведущую в поселок. Потом задергиваю занавески на всех окнах, чтобы никто не подглядел, как я буду молиться.

На божнице у нас стояло много икон: старые, большие и темные, и маленькие, картонные, совсем новые, их бабушка приносила из церкви. Из всех образов я знал Спасителя, Богородицу, Николая Чудотворца и еще батюшку Серафима с маленькой иконки, на которой он был изображен стоящим на коленях в лесу; рядом с ним лежал топор.

Я нахожу спрятанные бабушкой спички, зажигаю свечу, а от нее, как учила бабушка, лампадку перед образами. Потом опускаюсь на колени и смотрю на лики святых, не зная, кого же из них просить за бабушку.

В доме тихо, только часы-ходики за перегородкой громко тикают. Остановив свой выбор на Николае Чудотворце, я, глядя на темную икону, на которой едва просматривались кресты на одежде старца с высоким лбом, держащего в одной руке книгу, начинаю вспоминать молитвы. Твердо помню я две – «Отче наш» и «Богородицу». Еще «Верую», но не всю, а только до слов «Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребена...». Что потом, запомнить не мог. Но эти молитвы как-то не подходили к тому, что мне нужно. На всякий случай я негромко прочитываю их, а как быть дальше? С божницы на меня строго смотрят лики святых, я чувствую смущение и страх: вот собрался попросить бабушке долгих лет жизни, а как это сделать, не знаю. Главное, с чего начать, как обратиться к Николаю Чудотворцу? Просто Николай – боязно, все-таки старый уже человек. Дядя Коля – к святому так, пожалуй, нельзя. У меня даже голова начинает немного кружиться, и на глаза наворачиваются слезы.

В конце концов я решаю, что, какие бы слова я ни произнес, на Небе меня все равно услышат и поймут: там же известно, что я еще маленький и не все молитвы знаю. И еще я даю себе слово, что обязательно спрошу у бабушки, как надо молиться Николаю Чудотворцу.

– Батюшка Николай Чудотворец! – начинаю я. – Сделай, пожалуйста, так, чтобы моя бабушка, – я называю ее имя, – никогда не умерла... То есть нет, если так нельзя, то пусть живет долго-долго...

Тут я вспоминаю о маме и папе. Как-то нехорошо получается: за бабушку прошу, а за родителей нет. И я добавляю:

– И еще папа с мамой пусть долго живут... И никто из них не болеет. Особенно бабушка, потому что она уже старенькая, у нее ноги слабые и сердце. Но я ее очень люблю и жалею, поэтому ты помоги мне – пусть она живет еще много лет. Бабушка добрая и всегда Богу молится... и тебе тоже. Я же вижу, как она ночью кланяется иконам. Сделай так, батюшка

Николай Чудотворец, и я всю жизнь буду тебя любить и свечки тебе ставить, а как молиться тебе, я у бабушки спрошу...

Сердце мое сжимается, и я начинаю плакать. Строгие лики на божнице заколыхались и превратились в сплошное светлое пятно, в середине которого яркое сияние от лампадки. Говорить я уже не могу, слезы катятся из глаз горохом, и я вытираю их со щек обеими руками. Но они все катятся, горячие и соленые...

Вечером, когда бабушка, подоив корову и протопив печь, садится ко мне на кровать, я спрашиваю:

– Баб, а как Николаю Чудотворцу молятся?

– Как молятся? Да как всем святым. Что это ты вдруг?

– Так... Молитва же, наверное, есть специальная?

– Ну да. Конечно, есть. – Бабушка внимательно на меня смотрит. – И не одна.

– Скажи мне.

– Слушай, вот какая молитва. – И она начинает говорить слова, а я про себя повторяю их за ней: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...»

– Значит, если у него попросить, он потом Богу передаст?

Бабушка улыбается и гладит меня по волосам:

– Вроде того. Он за нас Христа молит.

Скоро я засыпаю, и в ту ночь мне не снится голый человек, толкающий короб с огнем. А снится, что в наш дом занесли Животворящий Крест. Он огромный, но в комнате помещается свободно. Возле Креста стоит невысокий высоколобый старик в сверкающих одеждах с крестовым воротником. В одной руке он держит раскрытую книгу, а в другой блестящее кадило на цепочках. Ласково улыбаясь, старик размахивает кадилом, из которого сизыми клубками вылетает дым, и я чувствую тонкий запах ладана.

Я крепко сплю до самого утра и просыпаюсь совсем здоровым.

Избушка

Над запрудой, в молодой березовой рощице, сквозной и веселой, стояло неказистое, точно из земли выросшее строение об одном оконце, прорубленном в бревенчатой боковой стене. Дом не дом, сарай не сарай, а так, избушка на курьих ножках. В деревне у нас ее избушкой и называли.

Мы, мальчишки, побаивались ходить через запруду вечером. В густеющих сумерках темное строение среди белых стволов казалось похожим на большого зверя, притаившегося в ожидании чего-то. Рассказывали, будто старая Августа, что жила на краю деревни у самого оврага, видела раз ночью, как с неба упал в рощу огненный сноп. Неспроста он туда упал, это всем было ясно: уж конечно, здесь по ночам собирается вся нечисть – ведьмы, лешие, домовые. А что, самое подходящее для них место.

Была у избушки своя загадка, была. Ну, хотя бы то, что в деревне никто не помнил, когда и зачем избушку эту срубили. Мы и у Августы спрашивали (а она в деревне самая старая) – нет, и она не помнила. Сколько живу, говорит, столько и стоит на этом месте избушка. Лет сто, значит, а может, и больше. Мы и про сноп огненный у Августы спросили, только она ничего нам не рассказала.

– Какой сноп? Да вы что, не видела я никакого снопа... Идите-идите, архаровцы!..

Врет, старая! Не хочет признаться. Но мы с моим другом Славкой набрались храбрости и три вечера кряду лежали в зарослях бузины, ждали, когда стемнеет и упадет с неба в рощу огненный сноп. Никакого снопа мы не увидели, но были уверены, что это непременно случается, только позже, когда нас уже загоняют по домам.

А днем в избушку мне заходить доводилось. Ищешь, бывало, бабушку, кто-нибудь из деревенских и подскажет:

– В избушку ступай. Там твоя бабка.

И вот бежишь по тропинке вниз сквозь ольховник, по мосточку осклизлому через запруду, а там слушаешь: если тихо, так назад сломя голову, если поют – идешь смело дальше. Сумрачно у запруды и прохладно. Огромная старая ветла склоняется над водой, сквозь ее густые ветви не пробиваются солнечные лучи. И тихо, только вода через запруду переливается: бульк-бульк, бульк-бульк-бульк, да из рощи – песня доносится, протяжно и светло. Это бабы поют в избушке – далеко слышать.

Бывало, вспашешь пашенку,
Лошадок распряжешь,
А сам тропой знакомою
В зеленый сад идешь...

Русская народная песня

С березок последние листья ветром обрывает. Там, за деревьями, поле – конца-краю не видать. А если встать на опушке рощи и смотреть туда, где поле переходит в небо, то чем больше смотришь, тем заметнее, что земля и впрямь круглая.

По-осеннему тихое, неяркое солнце бьет сбоку, и бродят по замшелой стене избушки причудливые тени. Когда песня, не страшно, только удивительно: никого нет, а голоса звучат. Будто избушка сама поет.

Открываешь с трудом тяжелую скрипучую дверь и осторожно ступаешь по земляному, утопанному, как камень, полу, на котором валяются очесы, стебли льна, а то и снопы цельные. По ступенькам узкой лестницы поднимаешься наверх. Тут вроде чердака, бабы сидят полукругом, раздергивают стебли на волокна – треплют и чешут лен.

Помню руки. Темные вены под кожей точно корешки молодой рябины, взятой из земли для пересадки. Старые руки, а быстрые, ловкие. Они живут как бы сами по себе. Бабы ведут разговоры неспешно, а руки так и порхают – делают свое дело. Уж на что Августа старуха древняя, а и у нее руки как у молодой, быстрые, с тяжелым гребнем управляются – любо-дорого!

Работают бабы и поют. Одна песня сменяет другую. И знакомые, и такие, что по радио не услышишь. Этим песням, как и избушке, сто лет, наверно.

«Ванька-ключник»

Бабушка моя песен знает великое множество. Долгими вечерами сидим мы с ней дома, огня не зажигаем – сумерничаем. Поет она негромко и «На Муромской дорожке», и «Все васильки, васильки», и «Степь да степь кругом», и «От павших твердынь Порт-Артура», и «Гора Афон, гора святая» – много всяких. Одна песня особенная. Про Ваньку-ключника:

В саду ягода-калина,
Принакрывшись, расцвела.
Свет-княгиня молодая
С князем в тереме жила.

По радио другие песни поют. Громкие, бодрые, от них прыгать и бежать куда-нибудь хочется. А эта – не то. Когда ее слушаешь, кажется, тебя и нет вовсе.

А у князя был Ванюша,

Ванька – ключник молодой.
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.

С этим Ванькой-ключником у меня особые воспоминания. Бывало, запоет про него бабушка, а я так и вижу:

Вот идут, ведут Ванюшу,
Ветерочком кудри вьет.
А княгиня молодая
Потихоньку слезы льет.

Русская народная песня

Уж так-то мне Ванюшу жалко! Не ясно только, за что злой князь казнил удалого ключника. Спросишь у бабушки, а она:

- А за то, мой мальчик, что княгиня его полюбила.
- Ну так что?
- Как «что»? – теряется бабушка. – Чай, она была мужняя жена.
- Ну? – не понимаю я.
- Вот тебе и «ну»! – сердится она. – Грех, поди.
- Почему грех-то?
- Охти тебя! Вырастешь – узнаешь.

Ну и ладно. Не хочет говорить – не надо. Песню я все равно люблю. Виделся мне Ванюша в образе нашего деревенского плотника Мити. Тоже голова кудрявая, идет – шапка на затылке, лихо так сидит, а ветер волосы развеивает. И терем я видел, в котором «свет-княгиня» жила. Представлялся он мне той избушкой в березовой рощице, залитой тихим предзакатным светом. А наличники у терема были кружевные, как на окнах дома у Мити-плотника.

Печально и светло от тех песен. А еще – стихи. Старые. Таких в книжках теперь нет.

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах;
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

Ф.Н. Глинка. Москва

Нараспев читает бабушка, и встают передо мной в темноте яркие картины никогда не виданной Москвы, и жжет в груди то от неясной тоски, то от острой жалости. Это когда про Стеньку Разина.

Вот и помост перед Стенькой...
Разин бровью не повел.
И наверх он по ступенькам
Бодрой поступью взошел.

Это ж надо! Ведь на казнь ведут! И не страшно ему? А может, и страшно, только он такой, Стенька-то, сильный и гордый.

Поклонился он народу,
Помолился на собор...
И палач в рубахе красной
Высоко взмахнул топор...

У меня перехватывает горло. Но я еще креплюсь.

«Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва...»
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

И.З. Суриков. Казнь Стеньки Разина

Тут я плачу. Тихонько, чтобы бабушка не услышала. В темноте она не видит, как слезы горохом катятся по моим щекам.

– Еще, бабушка, еще!

Она кладет руку мне на голову:

– Что же тебе еще рассказать, мой мальчик?

И рассказывает, рассказывает. Поет своим старческим голосом...

В ту пору в деревне пели часто. Мужики, конечно, по праздникам, а бабы – и за работой. Не только когда лен трепали. Помню, с поля возвращаются – грабли на плечах – и поют, громко, заливисто. А то прибежишь, бывало, к бабушке за гривенником на кино, а ее звено снопы вяжет – золотые, тяжелые. Наставлено их домиками видимо-невидимо. Солнце садится. И свет над полем несказанный. И песни. Далеко разносятся они над жнивьем. Вспомнишь – и щемит, щемит в груди. Сладкая и чистая боль. Не боль даже, а нечто такое, что и словами не высказать...

– Так что спеть тебе, мой мальчик?

– Про Ваньку спой, про Ваньку-ключника.

– Ну, слушай...

«Наслещики»

По большим праздникам – на Рождество, на Пасху – дома у нас собиралось множество старушек из окрестных деревень. «Наслещики» – называла их бабушка, и я думал, что это от слова «наследить». После гостей оставался в доме беспорядок, хотя были старушки все чистенькие и аккуратные, ничего не ели, только пили чай из самовара с твердыми, как камень, баранками. Как-то спросил я у бабушки про эти «следы». А она рассмеялась:

– Полно, что ты, да какие от них следы?

– А почему тогда «наслещики»?

– Ночуют у нас, вот и наслещики. И мама моя, Царство ей Небесное, помню, тоже всегда так их называла.

Все же я эту загадку разгадал. Только позже. В школу уже ходил и однажды в каком-то рассказе наткнулся на слово «ночлежка». Тут и выстроилось в голове: «ночлежка» – «ночлежники» – «ноч лещики» – «наслещики». То есть те, кого пускают в дом переночевать.

Деревня наша в двух шагах от поселка, а в нем – единственная на всю округу церковь. Вот на большие праздники и стекается сюда люд из ближних и дальних селений. Отстоят службу,

помолятся, подадут за упокой и за здоровье, а там назад, домой, километров за десять пешком, в какие-нибудь Таборы, Полубенки или Мортки.

В такие дни в доме у бабушки празднично. Почищены ризы у икон, масло в лампадке свежее затеплено, полы намыты и выскоблены добела. И вот «наслешики» появляются, на иной праздник с дюжину, не меньше, их у нас ночует. До всенощной сидят, потом уходят в церковь. Возвращаются утром, а то и к полудню. Чаю напьются – и в путь по заснеженным дорогам.

Но главное – пока сидят, сумерничают. Песни, бывает, поют, еще мной не слышанные. Вот про Митрофановское кладбище, например. Как отец на этом кладбище дочку свою зарезал по наущению злой мачехи. Жуть. Еще стихи читают, а чаще рассказывают истории всякие – про жизнь святых, мучеников. Помню страшный такой рассказ о том, как голову Иоанна Крестителя на блюде царю принесли. Много и о чудесах разных. Сидишь, бывало, в уголке и слушаешь, слушаешь, а по спине – холодок, мурашки между лопаток так и бегают.

– Ну вот, пришла ей, значитца, на второго сына похоронка, – притаенно говорит тетка Прасковья, постоянная «наслешица» из далекой залесной деревни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.